

Библейская теология образа и идола

Для меня большая честь опубликовать эссе в этом специальном выпуске журнала Themelios, отдавая дань уважения горячо любимому Don Carson и его важной работе по возрождению научных исследований в области библейского богословия в наше время. Настойчивость Дона в том, чтобы уделять внимание доминирующим темам, которые прослеживаются во всём библейском каноне, оказалась невероятно насыщенным исследовательским проектом, который принёс свои плоды в изданной им серии "Новые исследования в библейском богословии". Дон зарекомендовал себя не только как один из самых уважаемых экзегетов двадцатого и двадцать первого веков, но и как первоклассный учёный, обладающий обширными познаниями во всех теологических дисциплинах. Именно кембриджская диссертация Дона, опубликованная под названием "Божественный суверенитет и ответственность человека", почти сорок лет назад открыла мне, молодому преподавателю семинарии, глаза на возможность того, что теология и библеистика могут быть союзниками, а не врагами. Он настаивал на том, чтобы читатели Писания обращали внимание на священное наследие традиции реформатского богословия, когда они будут продвигаться по всей широте канона. С этой целью моя цель в дальнейшем изложении состоит в том, чтобы проследить теологически значимые категории образа и идола, начиная с первых глав книги Бытия, через парадигмальный эпизод идолопоклонства в 32-й главе книги Исход и заканчивая новозаветным свидетельством об Иисусе как совершенном Образе.

1. Сотворение по образу Божьему

Библейское повествование об идолопоклонстве основано на динамике создания образов, которая распространяется по всему канону. В основе этой модели лежат "отражательные" отношения, коренящиеся в природе поклонения. Imago dei (образ Божий) в первой главе Библии (Быт. 1:26-27) относится к теологической печати, наложенной на первоначальных мужчину и женщину, сотворённых Богом, а также на поколения их потомства. Идолопоклонство, напротив, - это практика, которая теологически переворачивает эти отношения с образом с ног на голову. Вместо "отражения" Бога в виде своего создателя, люди создают идола и "отражают" его. В обоих случаях человеческая идентичность коренится в том, что они отражают и чему поклоняются. Удивительный финал этой истории в Новом Завете заключается в том, что совершенный Образ Божий (Иисус) входит в историю человечества в видимой форме и восстанавливает образ Божий в народе и разрушает власть идолов.

Важно отметить, что язык imago dei встречается в книге Бытия ещё только два раза (5:1 и 9:6), и с этого момента во всём Ветхом Завете становится заметен язык идолопоклонства. За пределами первобытной истории Израиля (Быт. 1-11) язык образа встречается почти исключительно как уничижительный термин, обозначающий резные изображения (например, Исх. 20:4, 2 Кор. 11:18; 2 Кор. 23:17; Числ. 33:52; Амос 5:26; Иез. 7:20) и всегда есть негативный подтекст, связанный с отражением этих высеченных изображений.

Еврейский термин, обозначающий изображение (פִּזְמוֹן), имеет семантический диапазон, включающий идолов, и имеет существенное значение делать видимым то, что не было легко замечено. В Ветхом Завете, когда слово "образ" используется в негативном смысле, оно чаще всего относится к увлечению Израиля чужеземными богами. Окруженный народами, где изготовление идолов и идолопоклонство было обычным делом, Израиль был призван быть совершенно уникальным. У израильтян не должно было быть материальных изображений

невидимого Бога. В соседних культурах было множество резных статуй, которые служили зримыми изображениями невидимых божеств, с которыми были связаны надежды народов. В отличие от этого, в Израиле не было никаких резных изображений, потому что Бог уже создал конкретный образ, видимый и осязаемый для всех, кто мог на него смотреть, а именно для человечества.

За рассказом об Исходе из Египта быстро следует опасное путешествие в Синайскую пустыню. Израильяне не знали, откуда будут поступать продовольствие и вода, и как они будут передвигаться по пустыне. Они были встречены удивительными проявлениями верности Яхве по отношению к ним. Географическим ориентиром служил огненный столп ночью и движущееся облако днём. Вода исходила из скалы. Хлеб сходил с небес. Перепела таинственным образом прилетали с небес. Несмотря на всё это, Израиль не мог до конца смириться с тем, что Бог будет продолжать обеспечивать их.

2. Перевернуть историю с ног на голову

Исторический текст Ветхого Завета, касающийся идолопоклонства, в главе 32 книги Исход, повествует о золотом тельце. Это парадигматический текст, который перекликается со всем Ветхим Заветом. Начиная с 32:1 и заканчивая 33:6, повествование о золотом тельце тщательно проработано в книге Исход. Оно начинается с восхождения на гору, за которым следует спуск, а затем завершается ещё одним подъёмом и заключительным спуском. Вначале Израиль изготовил литое изображение тельца, вероятно, по образцу аграрных идолов Египта, откуда Израиль недавно пришёл. В облаке на вершине горы Яхве сказал Моисею, что израильяне были “твоим народом, который ты вывел из земли Египетской” (Исх. 32:7). Моисей разозлился на это и ответил в стихе 11: “Почему Ты гневаешься на этот народ, который Ты вывел из Египта”. Центральным вопросом этого разговора был “кому принадлежит этот народ?” Этот вопрос идентичности лежит в основе истории создания идолов в 32-й главе книги Исход. Заветное право ЯХВЕ на владение Израилем оказалось под угрозой из-за попытки Израиля предоставить права собственности на идолов. И, что немаловажно, эта смена собственника поставила под угрозу безопасность Израиля. Их цель и значение стали такими же хрупкими, как телец, которого можно было бы сделать в один день, а на следующий расплавить. С этого момента в истории Израиля акты восстания характеризовались обращением к качествам тельца — твёрдой шее, чёрствому сердцу, ушам, которые не слышат, и глазам, которые не видят.

Каноническое повторение Синайского эпизода усиливает его непреходящее значение для будущих отношений Израиля с Яхве. В песне Моисея, записанной во Второзаконии 32, прослеживается тесная взаимосвязь между идолами, созданными народом, и самими людьми. Идолы “не боги”, и народ, в результате существования своих идолов, стал “не народом”. В Книге Чисел 33 Яхве предостерегает о богах/идолах, с которыми Израиль столкнётся по ту сторону Иордана, когда попытается завладеть землёй обетованной. “Восстание в пустыне” послужило напоминанием о хрупком статусе Израиля. В 4 Царств 11:18 и параллельном повествовании во 2 Паралипоменон 23:17 изображения/идолы Ваала были уничтожены с признанием того, что они были бессильными конкурентами Яхве, хотя и были могущественными конкурентами за лояльность Израиля. Рассказ Неемии об истории искупления при восстановлении храма напомнил как о великом акте Божьего освобождения из Египта, так и о “великом грехе Израиля с выплавленным тельцом” (Неем. 9). В песнопении

Израиля также соединены великий акт Божьего искупления во время Исхода и противоположный акт неверия Израиля:

Сделали тельца у Хорива и поклонились истукану; и променяли славу свою на изображение вола, ядущего траву. Забыли Бога, Спасителя своего, совершившего великое в Египте. (Пс 105:19-21)

Израильские пророки часто ссылались на жестокосердие израильтян, их упрямство, на то, что у них есть уши, но они не слышат, и глаза, но они не видят (например, 2 Кор. 30:8; 36:13; Неем. 9:16-17; Иов 41:24; Ис. 6:9; 32:3; 44:18; Иер. 5:21; 7:26; 17:23; Иез. 3:7; 12:2; Пс. 94:8; 113:13-14; Зах. 7:11). Таким образом, люди становились такими же духовно неодушевлёнными, как и идолы, которым они поклонялись. Идолы выглядели как живые люди, но не могли ни говорить, ни ходить (Иер. 10:5). Идолы без жизни не могли бы дать того, чего у них не было, и поэтому никогда не были бы животворящими.

Пророк Исайя выступил с самым ясным и содержательным осуждением идолопоклонства в период монархии. Вторая половина книги пророка Исаии начинается четырьмя стихотворениями, каждое из которых, в свою очередь, посвящено противостоянию между Яхве и богами народов. В 40-й главе Книги Пророка Исаии создатель идолов изображён как человек, подобный Богу по своим творческим способностям. Но, в отличие от Бога, создатель идолов слабел, и его силы иссякали. Он испытывал голод и жажду, как и все люди. Бог не только не устаёт и не слабеет, но, как хорошо знакомо из Исаии 40:31: “а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся”. Аргументация Исаии стала сатирической. Представьте себе иронию. Создатель идолов рубил деревья, чтобы делать своих идолов. Он использовал часть древесины для приготовления пищи, часть - для обогрева, а остальное - для изготовления своих идолов/божеств, как будто деревянные обрезки были достойными объектами поклонения. Сатира обнажила подлинную иррациональность идолопоклонства. Создатель идолов отважился создать своего собственного идола, чтобы создать и контролировать свою значимость и безопасность. В Исаии 44 об идолах сказано, что они “пустые/ничто” (44:9, תֵּהוֹת) вспомните безвидность и пустоту (תֵּהוֹת תְּהוֹת) земли в Бытие 1:2. Однако пустота идола противоречила высокомерности проекта. Создатели идола предполагали, что они создают божество. Риторический вопрос, который, по-видимому, задавал Исайя, был: “Кто на самом деле тот человек, который мог бы создать своего собственного бога?” Другими словами, какой смысл говорить, что бог, который сотворил нас, создан нами самими?

3. Переворачиваем перевёрнутую историю с головы на ноги

В Новом Завете *imago dei* самым непосредственным образом связан со Христом (2 Кор. 4:4; Кол. 1:15). Иисус - это “точное изображение” и тот, благодаря кому невидимый Бог стал видимым (ср. Евр. 1:5; Ин. 1:18). Христос - это совершенный образ, который страдает вместо нас и ради нашего искупления (Еф. 5:25-26). Как следствие, человеческая идентичность наиболее отчётливо проявилась во Христе, том, в ком, через кого и для кого было сотворено человечество (1 Кор. 8:6; Кол. 1:16). Апостолы утверждают, что видимость Христа как образа Божьего (εἰκὼν τοῦ θεοῦ) - это именно то, что переворачивает испорченный порядок идолопоклонства. Во Христе Творец вошёл в творение и тем самым воссоздал космический порядок по Своему образу и подобию.

Идолы представляли собой инверсию первоначального теологического порядка представления и отражения. Идолы изображали замену славы Божьей глупостью этого мира (Рим. 1:23). Практика идолопоклонства предполагала, что боги были существами, адекватно представленными в предметах из золота или серебра, которым их поклонники могли придавать форму (Дн. 17:29). Эти обычаи были распространены в греко-римском мире, и новообращённым христианам было трудно полностью отказаться от них. Религиозные обычаи, связанные с храмовыми культами, часто считались нормативными для всех граждан империи. Отказ от этих обычаев влёл за собой несогласие с имперским правлением и неизбежно подвергал христиан опасности. Не менее реальной была и противоположная опасность. Проявление какой-либо преданности идолам было бы расценено как неверность Христу и тем самым поставило бы под угрозу своё место в завете (1 Кор. 10:14; 1 Ин. 5:21).

Во взаимоотношениях Иисуса с фарисеями есть одно важное место, где косвенно упоминается идолопоклонство. В Евангелии от Марка, 12 (пар. Мф. 22:15-22 и Лк. 20:19-26), фарисеи спросили Иисуса, должны ли евреи платить налоги Кесарю. В этом вопросе подразумевается, является ли изображение Цезаря на монетах, использовавшихся для уплаты налогов, идолопоклонством. На монете, о которой просил Иисус, действительно был изображён император как великий понтифик (первосвященник) римской религии. В своём ответе на вопрос фарисеев Иисус понимал, что монеты бросают вызов, но не соглашался с предположениями, стоящими за этими вопросами. Относиться к другому человеку как к Богу было неправильно. Но вопрос заключался в том, какие практики подразумевали отношение к другому человеку как к Богу. Означает ли уплата налогов кесарю отношение к нему как к Богу? Иисус рассудил, что императора можно признать важным для благополучия империи, не приписывая ему божественных сил. В этом смысле Иисус демифологизировал зарождающийся культ императора — кесарь не был Богом — и в то же время предоставил императору право собирать налоги на благо народа. Это стало примером для Павла в отношении пищи, приносимой идолам. Если к идолам относились как к божеству, то христианам следовало воздерживаться от предлагаемой им пищи. Но если к идолам относились просто как к кускам золота или серебра, то употребление в пищу предлагаемой им пищи было допустимым.

“Култ императора” стал более агрессивным после смерти Иисуса, особенно при Домициане (вр. правления 81-96 года н.э.), который требовал проверки на лояльность от всех римских граждан из-за имперских притязаний на божество. Всё было совсем по-другому при Августе и Тиберии, императорах времён Иисуса, когда, по-видимому, такой проверки не проводилось. Передача монеты сборщикам налогов Иисусом была равносильна не более чем подтверждению того, что Цезарь обладал какой-то формой гражданской власти. Несомненно, если бы Иисусу было предъявлено обвинение в божественности императора, Он бы решительно отрицал это. К концу первого столетия христиане столкнулись именно с такой ситуацией. Как явствует из книги Откровения, мученичество было платой за отказ от проверки верности императору и отрицание его притязаний на божественность.

Несколько удивительно обнаружить, что жадность включена в Новый Завет как порок, связанный с идолопоклонством. По-видимому, жадность не имеет особого отношения к храмовым культам греко-римского мира, и всё же Павел осуждал жадность (“любостяжание” в синод. пер.) как идолопоклонство в Колоссянам 3:5 и Ефесянам 5:5. Никакие другие пороки в Новом Завете не перечислены в такой прямой связи с более широким теологическим понятием идолопоклонства. Почему жадность? Первоначальная подсказка может быть

получена из напоминания о том, что идолопоклонство - это в корне неправильное поклонение. Оно коренится в желании заменить Бога как истинный объект поклонения чем-то альтернативным. В Писаниях говорится о множестве альтернативных объектов поклонения. Стремление к этим альтернативным объектам поклонения вполне может быть охвачено общим термином "жадность". Если мы вспомним десять заповедей из 20-й главы книги Исход или 5-й главы книги Второзаконие, то первые четыре заповеди были посвящены надлежащему поклонению Яхве, в то время как заключительный свод заповедей предостерегал от желания того, что не принадлежит вам по праву, фактически отмечая различие между законным стремлением к Богу и неправедным стремлением к альтернативным объектам чтобы удовлетворить человеческое сердце. Если жадность - это стремление к высшему удовлетворению где-то ещё, кроме Бога, это сделало бы человеческое сердце идолопоклонническим. Деньги вполне могут быть одним из объектов, которые обычно ассоциируются с жадностью (Мф. 6:24; Лк. 16:14), но стремление к высшему удовлетворению вполне может исходить и от других сотворенных реальностей, таких как власть, секс или репутация.

Согласно аргументам Павла в Послании к Римлянам 1, в практике идолопоклонства происходит великий и ужасный теологический обмен. Слава Божья заменяется изображениями всевозможных существ: людей, птиц, наземных животных и даже пресмыкающихся. Это описание трагического обмена в центре идолопоклонства является способом Павла представить общую картину человеческой испорченности. Апостол выдвигает знакомое каноническое утверждение о том, что между Творцом и творением нет никакого сравнения, и всё же люди убедили себя в том, что другие сотворенные вещи удовлетворят их самые сокровенные желания.

В Римлянам 1 есть важные контрасты, которые подчеркивают эмоциональную силу идолопоклонства. Надеясь удержать истину, люди подавляли истину неправдой (1:18). То, что можно было ясно увидеть, было заменено тьмой (1:20-21). Хотя они знали о Боге, они не познали Бога (1:21). Называя себя мудрыми, они стали глупцами (1:22). Слава Божья была заменена всего лишь смутным образом. Они предпочли тень реальности (1:23). Отказываясь чтить Бога, они обесчестили самих себя (1:24). Истина была заменена ложью (1:25). В каждом из них тварный порядок был перевернут с ног на голову или вывернут наизнанку.

В 1 Коринфянам 10, Павел использует ещё одну известную линию аргументации против идолопоклонства. Он обращает своё внимание на главу 44 Книги Пророка Исаии, где идолы не являются живыми и не представляют живых богов. Неживые идолы представляют несуществующих богов. Павел предостерегал коринфян от идолопоклонства, потому что изображенные боги на самом деле не существовали. В этом свете они, конечно, не могли дать никаких оснований для надежды перед лицом невзгод.

Следуя рассказу Павла о теологическом обмене образов и идолов, Лука записывает речь Стефана в Деяниях 7, напоминая еврейскому правящему суду, что долгая история израильского идолопоклонства была заложена в привычках Израиля. Стефан цитирует главу 5 книги Пророка Амоса как свидетельство того, что в Израиле существовало идолопоклонство. Из эпизода с Золотым тельцом он делает вывод, что всё идолопоклонство в будущем (которое пророки позже осудили) зародилось в пустыне. Даже поклонение Молоху и Рефану в северном царстве Израиль, о котором упоминал Амос, было связано с образом, который начался с поклонения Израилю Золотому тельцу в Синайской пустыне.

Точно так же в Деяниях 17 Павел противопоставляет распространённому в греко-римском мире религиозному идолопоклонству в Афинах, городе, полном идолов, вероятно, более распространённом, чем в других городах сопоставимого размера в греко-римском мире. Его долгая и выдающаяся история отчасти была связана с наследием храмов и статуй, посвящённых различным императорам и богам. Афинские идолы считались признаком его культурного значения. Критика Павлом идолопоклонства в Афинах зависит от того, имеет ли смысл предполагать, что Творец мира может быть сделан из золота или серебра. Именно Бог создал человечество, а не наоборот. Бог - это не образ, который может быть создан воображением или творчеством людей-художников. Павел утверждает, что было бы нелогично предполагать, что люди могут обрести безопасность и значимость, создав бога, который изначально придал им смысл.

Imago dei обретает уникальный статус в личности Иисуса Христа, как в Его совершенной человечности, так и в Его совершенном послушании Отцу вплоть до смерти на кресте. Это не абстрактное метафизическое утверждение, а, прежде всего, исповедание спасения. Утверждение о том, что Иисус является “образ Бога невидимого” (Кол. 1:15), является средством подтверждения того, что Бог обновляет/восстанавливает/искупает Свой народ по Своему образу и подобию. Будучи совершенным образом Божиим, Иисус “примиряет с Собой всё, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное” (Кол. 1:20). Во Христе Бог стал видимым.

Образ и идолопоклонство остаются богословски важными понятиями для современных христиан. Непреходящее присутствие *imago dei* подталкивает нас к осознанию того, что единственный подлинный ответ на наши глубочайшие стремления к безопасности и значимости следует искать в Боге, который сотворил нас и принёс нам искупление во Христе. Напротив, идолопоклонство служит острым напоминанием о том, что все мы склонны искать безопасность и значимость в других местах, а не в Боге, который сотворил и искупил нас. Мы больше не приносим на богослужение резные статуи, но могущественные реалии современности, такие как деньги, секс и власть, часто разрушают наши глубочайшие стремления к Богу и тем самым притупляют силу образа Божия в каждом из нас, побуждающего нас поклоняться Триединому Богу. Часто наши глубокие тревоги, связанные с работой, семьей, репутацией или выходом на пенсию, сопровождаются попытками подавить эти тревоги с помощью идолов. Именно тогда, когда мы превращаем хорошие вещи в Божественные, пытаемся создать безопасность и значимость на своих собственных условиях, мы вступаем в страну идолопоклонства. Конечно, мы должны признать, что идолы, созданные нами самими, не идут ни в какое сравнение с Живым Богом Вселенной.

Richard Lints - старший заслуженный профессор богословия в теологической семинарии Гордона Конвелла в Гамильтоне, штат Массачусетс, и автор нескольких книг.

Скачано с сайта outpouring.ru